

Если вы считаете, что учитель поступил с вами правильно, не платите ему тем же, передайте этот урок дальше!

Гарольд Л. Кан

Моим учителям и студентам

Благодарности

Хотя в детстве мне довелось обучаться каллиграфическому письму, о каменных чернильницах я ничего не знала, пока не заинтересовалась Гу Эрнян. Многие люди потратили время и усилия на то, чтобы ввести меня в мир создателей и ценителей чернильных камней. В Чжаоцине, провинция Гуандун, мне посчастливилось познакомиться с тонкостями резьбы по дуаньскому камню и получить навыки установления подлинности изделий у Лю Яньлян Лаоши, национального мастера искусств и ремесел Ли Кэна и его ученицы Гуань Хунхуэй. В Уюане Ху Чжунтай Лаоши показал мне великолепие чернильных камней Ши, хотя я не включила их в эту книгу. В Тяньцзине Цай Хунжу Лаоши открыла мне глаза на тонкое искусство разбираться в предмете; благодаря ее такту и чувству юмора занятия всегда доставляли мне удовольствие. В 2012 году, во время моей последней исследовательской поездки в Пекин, я познакомилась с замечательным резчиком по камню, ученым и коллекционером У Лигу, чьи работы перекликаются с моими. По многим вопросам наши с ним взгляды полностью совпадают, и я сожалею только о том, что не встретила с ним и его женой Лян Цин раньше.

Хранители сокровищ в музеях и частных коллекциях оказали мне большую помощь, показывая интересующие меня вещи и знакомя с собственными новаторскими исследованиям. Я выражаю искреннюю признательность г-же Чи Йо-син, г-же Тсай Мэй-фэнь, г-же Лю Паошу и г-же Чэнь Хуэйся из Музея императорского дворца в Тайбэе; а также г-же Чжао Лихун и г-же У Чуньянь из музея Запретного города в Пекине; и г-ну Чжан Тяньцзе из Тяньцзиньского музея. Без них я бы не смогла написать

эту книгу. Мои друзья Сюй Ии, Го Фусян и Хуан Хайянь, выдающиеся ученые в области ремесел и материальной культуры, помогли мне осуществить мои исследовательские поездки в Китай и получить удовольствие во время моих научных изысканий. Вместе с Мэй Мэй Радо они также сыграли важную роль в обеспечении прав на воспроизведение изображений из различных китайских учреждений.

Забавно, но с возрастом я стала все больше заглядывать в будущее. Пока я писала эту книгу, мои наставники и старшие коллеги уходили на пенсию, и моими основными собеседниками становились те, кто пришел в науку позднее меня. Мои студенты в Ратгерском университете (Нью-Джерси) и Барнардском колледже (Нью-Йорк) вдохновили меня на разработку концептуальных рамок исследования, позволяющих отразить влияние гендерных аспектов на материальную культуру. Студенты Колумбийского университета, участвовавшие в моем семинаре по визуальной и материальной культуре, также внесли свой вклад в мой проект. В частности, исследования Мэн Сюй о погребальных предметах, Буюнь Чэнь — о текстиле, Шинтин Линь — о медицинских инструментах, Кайдзюнь Чэнь и Меха Приядаршини — о фарфоре, Кйонгцзин Бэ — о мебели и Ицзюнь Ван — о металлообработке можно назвать образцовыми. Эти студенты скорее мои коллеги, чем ученики.

Мой друг Джонатан Хей научил меня изучать внимательно и мыслить глубоко; его творческое прочтение рукописи книги, не говоря уже о наставлениях и беседах, которые он вел со мной на протяжении многих лет, очень много значили для меня. Новаторские исследования, мудрые советы и приятная компания Франчески Брэй, Дагмар Шефер, Джейкоба Эйферта, Мэриел Флич и Памелы Смит побуждали меня двигаться вперед, когда я чувствовала себя потерянной. Экспертные знания Цяньшень Бая помогли мне разобраться с надписями на стелах. В числе других друзей я должна упомянуть Шарлотту Ферт, Анджелу Люнг, Джудит Цейтлин, Сьюзан Наквин, Софи Вольпп, Лидию Лю, Ребекку Карл, Лай Хуэйминь, а также Главную женскую читательскую группу в Колумбийском университете, душевная

щедность и таланты членов которой превратили процесс исследования в плодотворное сотрудничество. Джахен Ким Хабуш, Терри Милхаупт и Джон Перро, которые бросили бы все, чтобы отпраздновать со мной завершение написания книги, к сожалению, не дожили до этого события.

Мой муж Марвин Трахтенберг, который держал меня за руку все эти десять лет, заслуживает особого упоминания, хотя он, естественно, включен в список людей, в основном учителей и студентов, которым я посвящаю свой труд.

Мемориальный фонд Джона Саймона Гутгенхайма, Американский совет научных обществ и Восточноазиатский институт Уэзерхеда при Колумбийском университете выделили щедрые гранты для написания этой работы. Институт перспективных исследований в Принстоне, Институт истории науки имени Макса Планка в Берлине и Исследовательский институт Нидхэма в Кембридже, Англия, дали мне возможность отдохнуть от преподавания и создали благоприятную обстановку, когда я больше всего в этом нуждалась. Фонд публикаций Милларда Мейсса при Ассоциации колледжей искусств, ректорат Барнардского колледжа и Фонд Цзян Цзинго (Фонд международных научных обменов им. Цзян Цзинго (The Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange; CCKF)) выделили существенную субсидию на издание данной книги. Доктор Чэнчжи Ван, библиотекарь-китаевед Восточноазиатской библиотеки имени К. В. Старра в Колумбийском университете, неизменно оказывал мне содействие в получении редких книг из Китая. На удивление приятно было работать с дотошной и неутомимой Лорри Хагман и ее коллегами из издательства Вашингтонского университета, а также с Дженнифер Шонтц из «Red Shoe Design». Я выражаю особую признательность этим учреждениям и прекрасным людям, которые ими руководят.

Случайные проявления доброты со стороны незнакомцев, чьи имена я не успела записать, привели меня к главным находкам: любезная хозяйка магазина в Чжаоцине, которая подвезла меня на своем мотоцикле к паромной пристани на противоположной стороне Старой копии; бригадир со стройплощадки дома Хуан

Жэня, который позволил мне сфотографировать его коллекцию архитектурных чертежей. Наконец, мой тренер по пилатесу Меган Фруммер, которая неизменно напоминает мне, что писательство — это физическая нагрузка, которая может сломать человеку спину. Она поделилась со мной усвоенным уроком о том, что, отделяя тех, кто работает мозгами, от тех, кто работает мускулами, Мэн-цзы нанес миру колоссальный урон. Пусть у всех нас будут такие наставники, как она.

Общепринятые правила

Имена

В соответствии с восточноазиатской традицией обращения к человеку на первом месте стоит фамилия, на втором — имя. Образованные китайские мужчины и женщины имеют несколько личных имен: официальное (первое) имя (*мин*); (второе) имя для вежливого обращения (*цзы*); художественные или литературные имена, которые они придумывают себе сами (*хао*). Во избежание путаницы для обозначения человека я выбираю одно из них и использую его на протяжении всей книги.

Возраст

Возраст людей указан по принятому в Восточной Азии счету, согласно которому при рождении человеку исполняется один год.

Титулы

В интересах стандартизации перевод всех официальных титулов дается в соответствии со «Словарем официальных титулов Императорского Китая» Хакера.

Даты

Все даты (например, пятый день пятого месяца) указаны по лунному календарю. Годы правления династий и шестидесятилетний цикл «небесных ствол и земных ветвей» переведены в григорианский календарь. Например, девятнадцатый год правления династии Канси, *гэньшэнь*, указан как 1680 год.

Китайские династии и периоды

Династия Ся, 2070–1600 гг. до н. э.

Династия Шан, 1600 — ок. 1045 гг. до н. э.

Династия Чжоу, ок. 1045–256 гг. до н. э.

Период Вёсен и Осеней, 770–476 гг. до н. э.

Период сражающихся царств, 476–221 гг. до н. э.

Династия Цинь, 221–206 гг. до н. э.

Ранняя (Западная) династия Хань, 206 г. до н. э. — 8 г. н. э.

Поздняя (Восточная) Династия Хань, 25–220 гг. н. э.

Троецарствие, 220–280 гг.

Шесть династий

Западная Цзинь, 265–317 гг.

Восточная Цзинь, 317–420 гг.

Южная и Северная династии, 420–589 гг.

Династия Суй, 581–618 гг.

Династия Тан, 618–907 гг.

Пять династий и десять царств, 907–979 гг.

Династия Сун, 960–1279 гг.

Северная Сун, 960–1127 гг.

Южная Сун, 1127–1279 гг.

Династия Цзинь, 1115–1234 гг.

Династия Юань, 1271–1368 гг.

Династия Мин, 1368–1644 гг.

Династия Цин, 1644–1912 гг.

Правление Шуньчжи, 1644–1661 гг.

Правление Канси, 1662–1722 гг.

Правление Юнчжэна, 1723–1735 гг.

Правление Цяньлуна, 1736–1795 гг.

Правление Цзяцина, 1796–1820 гг.

Правление Даогуана, 1821–1874 гг.

Правление Гуансюя, 1875–1908 гг.

Правление Сюаньгуна, 1909–1911 гг.

Карта В.1. Карта Китая. Отмечены места, где добывали сырье для изготовления чернильных камней, а также упомянутые в книге города

Рис. В.1. Части каменных чернильниц, вид сверху («лицо»).
Плоская (А) и на ножках (В), с углублением в дне для удобства
держания, два наиболее распространенных типа

Введение

Когда-то незаменимая принадлежность для письма на каждом рабочем столе в Восточной Азии, чернильный камень, или тушечница, оставался практически неизвестным в Европе и Северной Америке. Самое время познакомиться с ним. Как и у человека, у чернильного камня есть лицо, спина, зачастую губа, лоб и даже ступни. Его называют чернильным камнем, каменной чернильницей, чернильной плиткой, доской или тушечницей, ему даже дали человеческое имя — господин Глиняная Вода. Задолго до наступления эпохи перьевых ручек и, разумеется, до прихода в нашу жизнь печатных машинок, компьютерных клавиатур или тачпадов восточноазиатский писатель или художник не пользовался в своей работе покупными чернилами, но каждый раз готовил для себя их сам. Смоченную водой палочку сухих чернил (чернильную палочку), сделанную из саж и клея, он растирал круговыми движениями в «чернильном пруду» каменной чернильницы. Регулируя силу нажима и количество добавляемой воды, наш мастер задавал готовому раствору нужную вязкость, чтобы в результате получить на бумаге разные оттенки цвета — от чернильно-черного до бледно-серого.

Кроме своей основной функции, чернильный камень — или, если угодно, каменная чернильница — выполнял функцию предмета искусства, за которым охотились коллекционеры, он был неизменным подарком отцов отправляющимся на учебу сыновьям; друзья обменивались ими на память, на их гладких поверхностях помещали хвалебные надписи. В этом качестве каменная чернильница прочно связана с культурой *вэнь* (письмо, литература, ученость), она в осязаемой форме выражает представления о себе мужской элиты общества. Размером обычно не

больше раскрытой ладони, каменная плитка для растирания чернил стала главной героиней этой книги; в ранние годы империи Цин, с 1644 по 1730 год, она являлась движущей силой всевозможных событий, выразителем чувств и чаяний многих людей. Чернильные камни делали из просеянной обожженной глины или другой керамики, лакированного дерева, старого кирпича, упавшей с крыши черепицы, стекла или полудрагоценных камней, но чаще всего материалом для них служил камень, добытый в карьере и специально отобранный для того, чтобы сделать из него чернильницу, украсить ее резьбой, отполировать, выручить за нее деньги, передать по назначению, использовать для растирания чернил, отмывать, чинить, дарить, снова продавать, красть, коллекционировать, восхищаться, изучать, делать надписи, писать о них, терять и забывать об их существовании.

Чернильные камни занимали важное место в политической жизни ранней империи Цин. Их значение отчасти проистекает из самой природы имперского бюрократического правления: членам двора, от императора до писцов и евнухов, приходилось ежедневно проливать немало чернил. Значение термина *вэньчжи* (гражданское правление) уместно понимать в материальном смысле как «правление посредством кисти для письма», что подразумевает усердное создание текстов в виде эдиктов, хроник и исторических записок, не говоря уже о неиссякаемом потоке запросов, расписок и счетов, которые обеспечивали работу дворцового механизма¹. Хотя с такой задачей сталкивалась каждая династия, статус маньчжурских правителей, происходивших из этнического меньшинства, создавал особые проблемы и обеспечивал возможности для формирования новой ма-

¹ Я провожу аналогию между «правлением посредством кисти для письма» и наблюдениями Бруно Лагура, сделанными в Институте биологических исследований Солка, где он проследил, как входные данные тщательно разработанного исследовательского аппарата — реальные, осязаемые материалы — в лабораторных отчетах и статьях для конференций превращаются в реалии текста («Лабораторная жизнь»). Это превращение материала в текст очень точно описывает работу имперско-бюрократического механизма управления в Китае.

териальной культуры, которая бы провозглашала правление династии Цин. Каменная чернильница, будучи принадлежностью для письма, то есть воплощая в себе сущность китайской письменной культуры *вэнь*, и к тому же являясь вещью достаточно небольшой, чтобы ее можно было преподносить в подарок лояльно настроенным ученым, прекрасно подходила для этой цели.

Чтобы проследить за траекторией жизни чернильных камней, нам придется войти в Запретный Город и спуститься в затопленные речной водой карьеры, взглянуть на мир глазами каменотесов, едва умевших писать, и пообщаться с учеными, избравшими для себя нестандартный путь к успеху. Во время этого путешествия можно прийти к более глубокому пониманию не только политического устройства, искусства и способов производства в период становления империи, но и таких абстрактных понятий, как противоборствующие культуры знания, сложные взаимосвязи между словами и предметами, а также чувствительных вопросов о разделении ролей между полами и приобретении людьми тех или иных навыков.

Нашим проводником в этом путешествии по малым мирам станет загадочная дама, о которой написано много, но мало что известно, в свое время она являлась одним из самых выдающихся мастеров по изготовлению чернильных камней. Гу Эрнян успешно работала в период между 1700 и 1722 годами. Она была одновременно экстраординарной женщиной, которой удавалось процветать в мире, где доминируют мужчины, и типичной вдовой, унаследовавшей семейное дело в ремесленном квартале Сучжоу при отсутствии в роду способных к этому мужчин. Через Гу, ее покровителей и клиентов мы познакомимся с целой сетью мастеров, уроженцев провинции Фуцзянь, которые были так же умелы, как она, но не настолько знамениты. И хотя речь о них пойдет только в трех главах, Гу и другие мастера искусства вырезания каменных чернильниц являются движущей силой повествования на протяжении всей этой книги, хронологические рамки которой ограничены периодом с 1680-х до конца 1730-х годов, когда их дело процветало.

Используемые в этой книге слова «ремесленник» и «мастеровой» более-менее взаимозаменяемы². Так как негласный, нормативный пол ремесленника в имперском Китае, как правило, мужской, я воздерживалась от употребления слова «ремесленница» за исключением тех случаев, когда говорю о Гу. Мой интерес к каменным чернильницам, а также к людям, которые добывали камни в карьерах и обрабатывали их, вызван желанием преодолеть устоявшуюся в старом Китае склонность «придавать ценность *дао* (принципам) и пренебрегать сосудами (полезными или реальными вещами)»³. Эта иерархическая структура, в которой голова стоит над руками, пронизывает все аспекты китайской жизни — от школьной программы до психической предрасположенности людей, от ранжирования по статусу до определения половых ролей (женщины всех классов должны заниматься ручным трудом).

Нигде эта иерархия не описана яснее, чем в классическом труде Мэн-цзы: «Те, кто работает мозгами, управляют другими; теми, кто работает мускулами, управляют другие». Изначально это утверждение, вероятно, было высказано в качестве мудрого совета стремящимся к обретению власти: используйте стратегическое мышление, а не грубую силу, чтобы возвыситься над другими⁴. В свое время слова Мэн-цзы точно описывали существовавшие в обществе приоритеты и идеальный социальный порядок. Заявленное предпочтение нашло конкретное выражение в общественном устройстве, преобладавшем как в имперском,

² Ричард Сеннет так описывает раннего греческого ремесленника: «Больше, чем мастер своего дела, носитель культуры — ремесленник использовал свои инструменты [резцы, гончарный круг, ткацкий станок] для общего блага...» и тем самым «выводил людей из изоляции», способствуя формированию сообществ [Sennett 2009: 21–22]. О значениях слова «мастеровой» (*гун* и *цзян*) в Китае см. [Barbieri-Low 2007: 24–45].

³ Это современное краткое толкование строки из «Книги перемен». В переводе Линна: «Следовательно, то, что предшествует физической форме, относится к Дао, а то, что следует за физической формой, относится к конкретным объектам [феноменальному миру]» («Хісі» А.12; [Lynn 1994: 67]). Дихотомия разъясняется более отчетливо в раннем произведении литературной критики «Резной дракон литературной мысли» («Вэньсинь дяолун») Лю Се (465–522).

⁴ Мэн-цзы 3А.4. Перевод Дерекы Бодде, цит. в [Barbieri-Low 2007: 38–39].

так и в современном Китае. Идеальное общество часто описывают в терминах «четырёхчастной» схемы, им управляют ученые («те, кто работает головой»), за которыми в рамках сложившегося порядка дальше следуют земледельцы и ремесленники (те и другие напрягают «свои мускулы»), в качестве утешительного приза они могут претендовать по крайней мере на моральное, если не на материальное превосходство над торговцами.

Принижение ремесленников было настолько распространено и принималось как само собой разумеющееся, что, даже если какой-нибудь ученый муж вдруг загорался идеей разобраться в искусстве мастеровых людей, он обязательно должен был включить акт принижения последнего в свою теоретическую структуру, когда излагал сделанные выводы письменно, прежде чем они становились понятными. Философ XVII века Сун Инсин, автор сочинения «Деяния Неба и начало вещей», дает нам яркий пример такого отношения, однако тот же подход и сегодня часто встречается во многих научных трудах на китайском и английском языках. Таким образом, ошибка кроется не только в огромном дискурсивном преимуществе, которым пользуются ученые по отношению к ремесленникам (образованным или нет), она более фундаментальна и обнаруживается в структуре научного знания и стандартах суждения, а они всегда являются предметом гибкого соглашения в среде ученого сообщества в каждом конкретном месте и в любое время; именно оно заставляет считать один объект более достойным изучения, чем другой. В области китаеведения сегодня столь многие исследователи создают себе имидж, отождествляясь с интеллектуалами эпох Сун, Мин или Цин, что вкусы и ценностные ориентиры последних преобладают как в темах, так и в методах научных трудов. Сделав чернильный камень главным героем этой книги, а ремесленные навыки — ее движущей силой, я намереваюсь поставить под сомнение эту главенствующую структуру знания и предложить альтернативные стандарты вынесения суждений⁵.

⁵ Я использую слово «навыки», а не «технологии» (последнее почти не встречается в книге), потому как второй термин допускает противоречивые толкования. См., к примеру, его неоднозначное использование в работах

Я стремлюсь проникнуть в мир ремесленника через изготавливаемые им вещи. Вместо того чтобы высказывать высокоумные методологические утверждения, я воздерживаюсь от характеристики предметов, которые не пыталась изготовить своими руками, и не пишу пространно о специфических вещах, которые не изучила лично. Такая строгость подхода особенно важна, учитывая, что предмет моего исследования — небольшой темно-фиолетовый (иногда зеленый или желтый) камень, украшенный тонкими насечками, который изначально не являлся декоративным объектом. Даже фотоснимок с высоким разрешением не передает самые важные для китайского ремесленника или знатока качества — а это не только форма или декоративная отделка камня, но и его гладкость на ощупь, сравнимая с кожей младенца, крошечные прожилки и другие особенности минерала, деревянный, а не металлический отзвук, если постучать по изделию указательным пальцем.

Это пристальное внимание к камню не означает, что я игнорирую письменные свидетельства. Я полностью осознала силу текстов, когда мои ранние попытки упрашивать камни, и только камни, чтобы они раскрыли свои истории, окончились провалом (мне дорого обошелся этот урок). Без важнейшей «Хроники чернильных камней», отчета покровителей Гу, которые рассказывают о своей жизни посредством сочиненных ими хвalebных надписей, нанесенных на каменные чернильницы (такой жанр я называю «материальной биографией»), не было бы этой книги; не было бы ее и без всех тех трудов и статей, в которых содержатся исследования ученых, работавших до меня. Тексты — незаменимый источник информации, доносящий до нас сведения через века, и, читая их, начертанные на материальных остатках минувших эпох, можно по крупницам восстановить дискурсивные

Тима Ингольда («Восприятие окружающей среды») и Франчески Брэй («К критической истории незападных технологий») [Ingold 2011; Bray 1999: 158–209]. «Навыки», одновременно присущие ремесленнику и распространенные в обществе, являются менее двусмысленной категорией исторического анализа. См. [Sigaut 1994: 420–459; Eyferth 2009].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru